

А. А. ЧЕКАЛОВА

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ СЕНАТОРСКОГО СОСЛОВИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

На последнем, XVII Международном конгрессе византистов, состоявшемся в 1986 г. в Вашингтоне, Кирилл Манго в докладе, посвященном специфике возникновения и развития Константинополя, высказал мысль о том, что столица Византийской империи являлась искусственно созданным центром, преимущества которого как торгового пункта сказались лишь с появлением пути «из варяг в греки», т. е. не ранее X в.¹

Не вдаваясь здесь в полемику относительно роли Константинополя как важного торгового центра уже в ранневизантийский период, роли, которая нам, впрочем, представляется совершенно бесспорной², мы хотели бы в своей статье обратить внимание на одно обстоятельство, которое обычно ускользает из поля зрения исследователей, на то, что возникновение Константинополя, а вместе с ним и одного из основных его институтов — сената было теснейшим образом связано с социально-политическими процессами, происходившими в западной части империи в ходе кризиса III в. и после него. Именно кризис III в., столь существенно повлиявший на все стороны жизни Римской империи, послужил толчком к созданию новой столицы на Босфоре и формированию там сената и senatorского сословия.

До основания Константинополя имперской senatorской аристократии как особого социального слоя на Востоке не было. Римское владычество, накладываясь сверху, не затрагивало существенно греческого полиса³, и если на Западе высшим социальным слоем являлась senatorская аристократия, то на Востоке безраздельно господствовала провинциальная муниципальная знать. В отдельных городах Востока имелись лица, которые вошли в состав римского сената⁴, но общее число их было весьма незначительно⁵, и уже в силу своей малочисленности и рассеяния по разным городам, они, даже если и не отправление на постоянное жительство

¹ *Mango C.* The Development of Constantinople as an Urban Centre // 17th International Byzantine Congress: Major Papers. Wash., 1986. P. 118 f.

² См.: *Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке: Восстание Ника. М., 1986. С. 18, 26—27.

³ *Jones A. H. M.* The Greek under the Romans // DOP. 1963. N 7. P. 1—2.

⁴ *Hammond M.* Composition of the Senate, A. D. 68—235 // JRS. 1957. Vol. 47. P. 77.

⁵ *Ibid.* P. 79; *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284—602; A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. 1. P. 5—6. Иначе см.: *Chastagnol A.* Remarques sur les sénateurs orientaux au IVe siècle // Acta antiqua. 1976. T. 24. P. 341—342. Однако выводы Шастаньоля базируются на уже устаревшей работе П. Ламбрехта (*Lambrechts P.* La Composition du Sénat romain de Séptime-Sévère à Dioclétien. Budapest, 1937). Как показал М. Хаммонд (*Hammond M.* Op. cit. P. 79), общее число провинциалов в римском сенате возрастало не за счет жителей Востока, а за счет выходцев из Африки. Ср.: *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Vol. 3. P. 1, N 2. Кроме того, сенаторы восточного происхождения обычно бывали выходцами из римских колоний и потому являлись отпрысками древних римских фамилий. См.: *Levick B.* Roman colonies in Southern Asia Minor. Oxford, 1967. P. 103—120; *Talbert R. J. A.* The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. P. 33.

в Рим, как того требовало их звание ⁶, не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на общественную структуру данного региона.

Судьбы Востока и Запада сблизились в ходе кризиса III в., поскольку изменения в социальной структуре Запада самым существенным образом сказались на политическом устройстве и социальной структуре Востока.

Как известно, III в. был «великой эпохой» для всадничества ⁷, которое в ходе кризиса III в. оказалось наиболее активным в политическом и военном плане социальным слоем. На политическую арену выдвинулось немало лиц и более скромного происхождения, в частности вольноотпущенников ⁸, которые благодаря успехам в военной и административной карьере смогли попасть в высшую имперскую администрацию и ближайшее окружение императора. В результате в империи сформировался весьма значительный по своей численности слой служилой аристократии ⁹. Рядом с родовитыми сенаторами, гордившимися происхождением и заслугами своих предков, этот слой деятельных выскочек чувствовал себя весьма стесненно и неуютно. Правда, и сам римский сенат претерпел серьезные перемены, пополнившись представителями муниципальной знати и всадничества ¹⁰. И все же, несмотря на существенные изменения в составе, сенат продолжал оставаться весьма консервативным учреждением — хранителем старых традиций и цитаделью языческой веры ¹¹. В сенате по-прежнему имело сильное ядро римской родовитой знати, такой, как Аниции, Кейнии, Валерии, значительно обогатившейся в ходе кризиса III в. И хотя в политическом плане влияние сенаторов уменьшилось, в социальном отношении оно было велико ¹². Престиж сената основывался на его старых традициях, богатстве и влиянии в обществе, которым пользовались его представители. Достичь высокого положения в Риме можно было отнюдь не вне сената (как того хотел Диоклегиан), а лишь войдя в его состав ¹³. Но оказавшись в составе сената, новые его члены весьма быстро поддавали под влияние старой сенаторской аристократии, культурной элиты общества, и сами становились глашатаями идей, вошедших в плоть и кровь римской родовитой знати. Они вскоре и сами начинали считать себя отпрысками древних родов, и подобные притязания не вызывали возражений ¹⁴. Старые члены сената продолжали обладать огромным моральным авторитетом ¹⁵, и их представления о том, что старые порядки незыб-

⁶ *Digesta*. I.9.11.

⁷ *Keyes C. W.* The Rise of the Equites in the Third Century of the Roman Empire. Princeton, 1915; *Alföldy G.* Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975. P. 147; *Chastagnol A.* L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien: La mise en place du régime du Bas-Empire (284—363); P., 1982. P. 71.

⁸ *Duff A. M.* Freedmen in the Early Roman Empire. Cambridge, 1958.

⁹ *Alföldy G.* Op. cit. P. 172; *Matthews J.* Western Aristocracies and Imperial Court, A. D. 364—425. Oxford, 1975. P. 41.

¹⁰ *Chastagnol A.* L'évolution politique. . . P. 68; *Talbert R. J. A.* Op. cit. P. 31—37. По мнению ряда исследователей, между 312 и 326 гг. Константин осуществил реформу, в ходе которой сенат был увеличен с 600 до 2000 человек. См.: *Alföldy G.* Op. cit. P. 172; *Chastagnol A.* L'évolution politique. . . P. 206—207). Хотя Константин действительно ввел многих всадников в сенат (*Alföldy A.* On the Foundation of Constantinople // *JRS*. 1947. Vol. 37. P. 10 ff), все же главным образом он пополнялся за счет богатой муниципальной аристократии, которая легко ассимилировалась со старой римской знатью. См.: *Hopkins K.* Elite Mobility in the Roman Empire // *Past and Present*. 1965. N 32. P. 24, 26. По мнению А. Альфельди, римский сенат достиг численности 2000 человек лишь во времена Валентиниана I, когда в Риме прошла новая волна возвышения всадников и когда Валентиниан попытался превратить сенат из узкой социальной группы в относительно более широкий социальный слой. См.: *Alföldy A.* A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. The Clash between Senate and Valentinian I. Oxford, 1952. P. 58—59.

¹¹ *Alföldy A.* The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948. P. 93; *Chastagnol A.* L'évolution politique. . . P. 225; *Talbert R. J. A.* Op. cit. P. 37—38.

¹² *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Vol. 1. P. 6; *Alföldy G.* Op. cit. P. 171; *Chastagnol A.* L'évolution politique. . . P. 71.

¹³ *Alföldy G.* Op. cit. P. 171.

¹⁴ *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Vol. 2. P. 546.

¹⁵ Велико, в частности, было их влияние на создание исторических трудов, которое практически полностью находилось в их руках и в руках их приверженцев. См.:

лемы и вечны, как вечен сам Рим, получали весьма широкое распространение¹⁶.

Рим — цитадель родовитой сенаторской знати — продолжал оставаться городом традиций. Более того, в IV в. традиционализм римской аристократии даже возрастает. Если во времена поздней республики и ранней империи римская знать стремилась к изучению греческого языка, языка культуры и элитарного меньшинства¹⁷, то в IV в., по странному парадоксу, римская сенаторская аристократия оказывается во главе латинского литературного «возрождения», а также возрождения староримских традиций¹⁸. Роль Рима и его сенаторской знати заметно возрастает, а *praefectus urbis Romae*, который ранее обладал лишь номинальной властью, становится действительно важной политической фигурой¹⁹.

Император, его двор и имперская администрация не могли встретить здесь ни того почтения, которого они добивались, ни тем более поддержки. Рим с его староримской аристократией был в состоянии противостоять новым веяниям и идеям. Вечный город, его прошлое сами требовали к себе почтения²⁰. Здесь императору было весьма сложно осуществлять свою политику²¹, и уже при Диоклетиане, когда он избрал своей резиденцией Никомидию²², родилась идея новой столицы, свободной от давящего воздействия староримских традиций.

Константин, завершивший многие начинания Диоклетиана, претворил в жизнь и идею, родившуюся в начале эпохи домината. Он основал новую столицу на берегу Босфора²³, которой суждена была долгая жизнь. Внешний облик города создавался в подражание Риму, и в этом факте некоторые исследователи видят стремление Константина возвеличить во втором (хри-

Peter H. Die geschichtliche Literatur über die Kaiserzeit bis Theodosios I. Leipzig, 1897. Vol. 2; Alföldy A. A Conflict. . . P. 66.

¹⁶ *Alföldy A. The Conversion. . . P. 92; Chastagnol A. L'évolution de l'ordre sénatorial aux IIIe et IVe siècles de notre ère // RH. 1970. N 496. P. 314; Idem. L'évolution politique. . . P. 226.*

¹⁷ Дело зашло так далеко, что нередко императоры (особенно выходцы из смешанных семей Испании и Южной Галлии) оказывались «Graeculus», например Адриан. А такой римский император, как Марк Аврелий, вместо того, чтобы писать военные записки о дунайских походах, «общается со своей душой» и пишет по-гречески. См.: *Syme R. Union and Division // Acta antiqua. 1976. 24. P. 338.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Alföldy A. The Conversion. . . P. 91; Idem. A Conflict. . . P. 59 ff.*

²¹ *Alföldy A. The Conversion. . . P. 92—93; Idem. On the Foundation. . . P. 14—15.* Автор, правда, останавливается лишь на противоречиях религиозного характера между императором и сенатом.

²² Главными резиденциями Диоклетиана за время его правления были: в 285—296 гг. — Сирмий и Никомидия; в 299—302 гг. — Антиохия; в 302—305 гг. — Никомидия (*Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (Mass.); L., 1982. P. 49*). За все это время Диоклетиан всего лишь дважды и ненадолго посетил Рим: в 285 г., во время летнего пребывания в Италии, и в ноябре—декабре 303 г. (*Ibid. P. 49—56*), причем о визите в Рим в 285 г. сообщает лишь автор XII в. Иоанн Зонара.

И до Диоклетиана римские императоры предпочитали иметь свои резиденции не в Риме, а в других городах империи: Трире, Милане, Сирмии, Фессалонике, Антиохии и др. Но все это были, скорее, штаб-квартиры императоров, важные стратегические пункты. И лишь Никомидия рассматривалась самим Диоклетианом как политический центр империи, как город, который по своему величию не должен уступать Риму. См.: *Alföldy A. The Conversion. . . P. 94—95.*

²³ Константин не сразу остановил свой выбор на Византии. Он колебался между Сердикой, Фессалоникой и даже одно время мечтал, как гласит легенда, восстановить древнюю Трою. См.: *Alföldy A. The Conversion. . . P. 96.* Характерно, однако, что все поиски места для новой столицы велись Константином на Востоке. Византий, вероятно, привлек его больше других мест и потому, что этот маленький городок можно было заново отстроить на собственный лад, и потому, что в нем не было сколько-нибудь серьезной социальной силы, способной помешать Константину в осуществлении его планов, и конечно же по той причине, что Византий обладал исключительно выгодным географическим положением, что прекрасно понимали и древние, которые сравнивали со слепцами тех, кто, не поняв выгодности географического положения поселения на Золотом Роге, основали Халкидон на противоположном берегу Босфора (Геродот. IV.144).

стианском) Риме первый²⁴. В действительности же Константин создавал новую столицу как центр, значительно более соответствующий изменившейся социально-политической ситуации в империи. Если первый Рим был городом сената, то второй должен был стать городом императора.

Среди других учреждений во втором Риме — Константинополе — был создан и сенат, и в этом опять-таки видят акт подражания Риму, поскольку создание сената в Константинополе, по словам А. Альфельди, не отвечало политической реальности того времени²⁵. Все это действительно было бы так, если бы в Константинополе создавался сенат, подобный римскому, объединявшему родовитую знать империи. Однако дело обстоит иначе.

Ряд исследователей правда, считают, что ядро константинопольского сената составила римская родовитая знать, переселившаяся вместе с Константином в новую столицу²⁶, и в результате между константинопольской сенаторской аристократией и старой землевладельческой знатью римских времен практически ставится знак равенства²⁷.

В источниках действительно упоминаются имена представителей римской родовитой аристократии, якобы последовавших за Константином из Рима в новую столицу на Босфоре. Согласно одной версии, приведенной Михаилом Гликой (и с некоторыми вариациями сохранившейся в житии Зотика), в Константинополь при Константине преселились: Олибрий, Вер, Урбий, Каллистрат, Зотик, Евгений, Евбул, Студий, Флоренций, Мариан, Север, Исидор²⁸. По свидетельству, приведенному в *Πατρία Κωνσταντινουπόλεως*, знатное окружение Константина во втором Риме составили: Адда, Протасий, Скомбрий, Филоксен, Домнин, Проб, Дарий, Мавр, Родан, Саллюстий, Модест, Евбул²⁹. Однако эти версии весьма позднего происхождения и походят скорее, на легенду, нежели на подлинно исторические свидетельства. Символично само число сенаторов (хотя имена их в обеих версиях различны) — их двенадцать, как апостолов у Христа, и все они связаны с христианскими памятниками Константинополя. Таков Студий (вспомним Студийский монастырь), таков Евбул, основавший странноприимный дом, получивший его имя.

И Евбул, и Студий, и другие упомянутые выше римские аристократы являлись вполне реальными людьми и действительно бывали, жили, а порой и оставались в Константинополе навсегда, но происходило это не в правление Константина, а несколько позднее. Так, основатель Студийского монастыря консул 454 г. Студий оказался на берегах Босфора лишь после нашествия на Рим вандалов³⁰. А Евбул появился и того позднее, уже в правление Юстина I³¹. У последующих поколений события несколько сместились, и они охотно отнесли к эпохе Константина то, что имело место в другое время.

В действительности же в намерения Константина, создававшего новый, свободный от груза старых традиций центр управления империи, по-видимому, и не входило переселение на Восток части старой римской аристократии, сковывавшей его деятельность в Риме. Опорой Константина в новой столице являлась отнюдь не родовитая знать. В этом легко убедиться, если посмотреть, кто составлял ядро константинопольского сената в период его возникновения.

²⁴ *Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974. P. 19—25.*

²⁵ *Alfoldy A. The Conversion. . . P. 112.*

²⁶ *Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. // ВС. 1945. С. 80; Ostrogorsky G. History of Byzantine State. New Brunswick; New Jersey, 1957. P. 36.*

²⁷ См., например: *История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 25.*

²⁸ *Michaelis Glycae Annales. Bonnae, 1836. P. 463; Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902. P. 352.*

²⁹ *Patria / Ed. Th. Preger // Scriptores originum constantinopolitanarum. 1907. II. P. 146.*

³⁰ *Theodores Anagnostes. Kirchengeschichte. B., 1971. 1. 17; Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae. 1883. P. 113; Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. 2. P. 1037.*

³¹ *Dagron G. Naissance. . . P. 512—513.*

Первым сенатором (*senator prior*) Константинополя стал некто Аблабий, который не только не имел ничего общего с родовитой аристократией, но по рождению не принадлежал и к другим более или менее состоятельным кругам населения. Родившись на Крите в семье низкого происхождения, он начал свою карьеру мелким чиновником в аппарате правителя острова. К 324 г. он дослужился до должности *vicarius Asiae*. В этом качестве он поддержал петицию жителей селения Орцитус относительно статуса *civitas* и получил письмо от Константина, в котором император упоминает «*gravitatis tuae intercessione*». В 329 г. Аблабий получил самую высокую должность в Римской империи того времени — префекта претория. В 330 г. он отправился в Константинополь на празднование дня рождения новой столицы и с тех пор остался на Востоке навсегда, будучи здесь префектом претория и главным членом константинопольского сената. В 331 г. он был удостоен консульского звания, престиж которого был заново поднят Константином³². Последний сделал его опекуном своего сына Констанция, при котором он также исполнял должность префекта претория, пока не был заподозрен в посягательстве на трон и казнен своим подопечным в конце 337 или начале 338 г.³³

Другим известным константинопольским сенатором эпохи Константина был сын колбасника Филипп³⁴, дослужившийся уже при Констанции II до префекта претория Востока. Потомки Филиппа дожили до VI в., а один из них (Анфимий) был в 467—472 гг. императором западной части империи³⁵.

Именно эти и им подобные лица составили ядро константинопольского сената, и, вероятно, поэтому на Западе его считали сенатом второго ранга (*senatus secundi ordinis*)³⁶, а на Востоке, где местная аристократия в сознании своей культуры и гордости предками³⁷ не уступала римской родовитой знати, отношение к константинопольскому сенату было откровенно враждебным, что нашло впоследствии отражение в словах Евнапия, написавшего: «...основатель города наполнил его пьяной, прожорливой толпой, слишком гупой, чтобы правильно произносить его имя»³⁸.

Конечно, в этих словах немалая доля преувеличения, поскольку в окружении Константина были и люди высокообразованные. Так, одной из креатур императора был Стратигий, отличавшийся прекрасным знанием как греческого, так и латинского языка, за что Константином был прозван Мусонианом. Этот Стратигий Мусониан играл важную роль в осуществлении церковной политики Константина (в частности, в переговорах императора с восточными епископами)³⁹. Правда, однако, заключалась в том, что при формировании сената Константин исходил не из знатности происхождения, а из того, какую роль играл тот или иной кандидат в сенат в имперской администрации и при дворе императора.

По мнению А. Шастаньоля, Константин, чтобы создать базу для формирования сената и наметить ступени в карьере сенаторов Константинополя, ввел здесь римские магистратуры: трибунат плебса и претуру⁴⁰. Будущий сенатор попадал в курию, как полагает исследователь, *per adlectio inter tribunicios ou inter praetorios*⁴¹.

Но, как справедливо отметил в свое время А. Джонс, термин *adlectio* означал не включение в состав сената, что осуществлялось посредством

³² Alföldy G. Op. cit. P. 174.

³³ Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1. P. 3—4. (Далее: PLRE).

³⁴ Jones A. H. M. The career of Flavius Philippus // Historia. 1955. IV. P. 229—233; Petit P. Les sénateurs de Constantinople dans l'oeuvre de Libanius // L'Antiquité Classique. 1957. T. 26. P. 348.

³⁵ PLRE. P. 696—697.

³⁶ Alföldy G. Op. cit. P. 175.

³⁷ На Востоке были семьи, которые могли проследить своих предков до I в. н. э. См.: Ramsay W. Antioch's Family from Pysidia // Classical Review. 1913. 33. P. 1—9.

³⁸ Eunapii Vita Sophistarum. VI.2, 8.

³⁹ PLRE. P. 611.

⁴⁰ Chastagnol A. Remarques. . . P. 346—347.

⁴¹ Chastagnol A. L'évolution politique. . . P. 231.

codicilli clarissimatus, а освобождение от преторских игр лиц, уже являвшихся членами сената⁴². Более того, само упоминание о преторах Константинополя относится ко времени Констанция⁴³, а трибун плебса впервые упомянут еще позднее, в 371 г.⁴⁴

Совершенно очевидно, что Константин не намеревался создавать сенат в Константинополе по римскому образцу. Его целью было отделить постороненно служилую аристократию от родовитой знати, дать постоянное пристанище своему двору и имперской администрации (которые до этого переезжали вслед за императором⁴⁵) и поднять служилую аристократию до уровня родовитой знати.

Только таким образом можно было вместо старого senatorского cursus honorum утвердить новый тип карьеры сенатора — через службу в государственном аппарате и при дворе императора⁴⁶. Этого и добивался Константин.

Если на Западе представители имперской администрации входили в сенат лишь по достижении самой высокой должности — префекта претория⁴⁷, то на Востоке именно имперская администрация и ближайшее окружение императора (его комиты) составили сенат. При этом префекты претория не оказались на положении своего рода младших членов этого сената, а составили его высший слой.

После смерти Константина местом пребывания его преемника на Востоке, императора Констанция II, а также префекта претория Востока и других высших должностных лиц и придворных стала Антиохия, которая долгое время являлась центром римской администрации в этом регионе и важным оплотом империи в борьбе с Ираном. По справедливому предположению Ж. Дагрона, Антиохия была одной из возможных столиц, которая

⁴² Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 2. P. 541; Cf.: Lécrivain Ch. Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople. P., 1883. P. 18; Petit P. Op. cit. P. 358. По мнению Ж. Дагрона, первоначально претора являлась средством проникновения в сенат лиц, которые не имели высоких административных должностей, позволявших их обладателям становиться сенаторами автоматически, согласно закону 356 г. (С. Th. V. 4, 8). Сами сенаторы избирали будущего претора и имели, таким образом, известную автономию при формировании состава сената. Затем эта процедура была заменена получением достоинства претора или консула, т. е. процедурой adlectio. И лишь позднее adlectio стало означать простое освобождение от преторских игр, а претора как ступень для вхождения в сенат стала уже к 373 г. пережитком (Dagron G. Naissance. . . P. 126, 162—163). Однако сам Ж. Дагрон отмечает, что процедура adlectio существовала уже в 355 г. (Ibid. P. 163), т. е. еще до издания закона относительно порядка прохождения претур, вышедшего 11 апреля 356 г. Как полагает П. Пети, освобождение от преторских игр (adlectio) относилось лишь к служилой аристократии и не касалось (за редким исключением, каким являлся Фемистий) других членов сената (Petit P. Op. cit. P. 372).

⁴³ Ко времени Константина создание претуры относят Зосим и Иоанн Лид. Но, как показал Ж. Дагрон (Dagron G. Naissance. . . P. 125), здесь имело место простое смещение событий и некоторая путаница в понимании сущности этой магистратуры. То, что одна из претур была названа constantiniana, означает отнюдь не создание ее в эпоху Константина, а лишь то, что эти преторские игры были введены Констанцем II в честь памяти своего отца Константина (Ibid. P. 125).

Создание претур, по всей видимости, было вызвано стремлением Констанция поднять престиж нового сената и придать ему известный блеск. Ведь одной из обязанностей римских сенаторов была организация дорогостоящих игр. А римский сенат для современников, несомненно, оставался мерилом.

Для передатировки закона С. Th. III.32, 2, предпринятой А. Шастаньолем (Chastagnol A. Remarques. . . P. 346—347), как нам представляется, нет достаточных оснований.

⁴⁴ С. Th. XII.1.74.3.

⁴⁵ Barnes T. Op. cit. P. 47—69.

⁴⁶ В чистом виде этот тип карьеры существовал только на Востоке. На Западе отмечены оба типа карьеры (традиционный senatorский и через службу в государственном аппарате), пока к концу IV в. не сформировался некий смешанный тип. См.: Kuhn W. Studien zur zivilen senatorischen Laufbau in 4. Jahrhundert n. Chr. Ämter und Amtsinhaber in Clarissimat und Spectabilität. Frankfurt a. Main; Bern, 1983. Как полагает А. Шастаноль, этот смешанный тип карьеры сложился на Западе под влиянием примера сената Константинополя. См.: Chastagnol A. Remarques. . . P. 356. Но и в V в. родовитая и служилая аристократия здесь весьма резко отличались друг от друга. См.: Matthews J. Op. cit. P. 12—41.

⁴⁷ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 1. P. 104.

(наряду с Константинополем, Александрией и Иерусалимом) могла родиться на «развалинах» Рима⁴⁸. Пребывание императора и его двора в самом центре Востока не могло не сказаться на дальнейшем формировании сенаторского сословия Константинополя. Дело в том, что если на Западе императорам пришлось столкнуться с римским сенатом, то на Востоке они были вынуждены прийти в непосредственное соприкосновение с не менее важной социальной силой — культурной элитой Востока — муниципальной аристократией. Желая ослабить эту оппозицию, Констанций в 357—360 гг. широко открыл дверь в константинопольский сенат для куриалов восточных городов⁴⁹, хотя в свое время Константин запретил куриалам домогаться сенаторского звания⁵⁰. Констанций объяснил свои действия стремлением соединить звание сенатора с греческой мудростью⁵¹.

Тогда в константинопольском сенате оказалось немало куриалов из восточных городов, в первую очередь Антиохии, таких, как Аэций, Прискиан, Цельс, Юлиан и др.⁵² Стали сенаторами и куриалы других городов, например финикийский куриал Фратерн и брат Григория Назианзина Кесарий⁵³. Включены были в константинопольский сенат и представители интеллигенции, например философ из Апамеи Ямвлих, потомок известного философа-неоплатоника Ямвлиха, и египетский поэт Андроник⁵⁴.

Но уже в это время куриалы нередко попадают в сенат благодаря службе в имперском аппарате. Так, уроженец Бейрута антиохийский куриал Прискиан стал сенатором после того, как получил пост презида Евфратисии⁵⁵.

Еще раньше на службе у Констанция оказался видный антиохийский куриал Фалассий, который фигурировал среди комитов императора уже в 345 г., а в 351—353 гг., т. е. еще до массового притока куриалов в сенат, был префектом претория⁵⁶.

Не всегда, однако, куриалы (особенно те, кто пользовался влиянием в своем городе) охотно шли в константинопольский сенат, считая, что это собрание больше подходит для людей безвестных и безродных⁵⁷. Либаний, например, категорически отказался от подобной чести, полагая, что его долг — служить родному городу⁵⁸. Так же рассуждал и куриал из Апамеи

⁴⁸ *Dagron G. Op. cit. P. 75—76.*

⁴⁹ Это время А. Джонс и считает временем создания константинопольского сената, добавляя при этом, что его ядро составили римские сенаторы, проживавшие в Ахайе, Македонии и Иллирии. Но, как показал П. Петт, закон от 357 г. (С. Th. VI.4, 11), на который ссылается А. Джонс, не обязывал римских сенаторов этих провинций отправляться в Константинополь. В нем просто сказано, что сенаторам этих провинций следовало бы приобретать земельную собственность поближе к Риму, чтобы иметь возможность принимать участие в заседаниях римского сената. См.: *Petit P. Op. cit. P. 357 et note 2; Cf.: Dagron G. Op. cit. P. 127—128.* В том же духе, что и А. Джонс, трактует данный закон А. Шастаньоль, который, однако, относит начало формирования константинопольского сената ко времени Константина. См.: *Chastagnol A. Remarques. . . P. 343, 349.* По мнению Ж. Дагрона, римские сенаторы префектуры Востока были переведены в константинопольский сенат согласно не дошедшему до нас закону Констанция, изданному незадолго до 359 г. и являвшемуся, возможно, дополнением к закону С. Th. VI.4, 11. См.: *Dagron G. Op. cit. P. 129.* Но, как мы уже отметили (см. выше, примеч. 5), число римских сенаторов на Востоке было невелико; кроме того, в IV в. по своему социальному статусу они обычно являлись выходцами из семей куриалов. Таковыми был, например, правитель Македонии 356 г. антиохийский куриал Олимпий. См.: *Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche. P., 1955. P. 399; PLRE. P. 642.*

⁵⁰ С. Th. XII.1, 14.

⁵¹ *Themistii Orationes / Ed. W. Dindorf. Lipsiae, 1832. P. 21.*

⁵² *Petit P. Les sénateurs. . . P. 349—350.*

⁵³ *Chastagnol A. Remarques. . . P. 353.*

⁵⁴ *Petit P. Les sénateurs. . . P. 350.*

⁵⁵ *Ibid. P. 353—354.* Затем Прискиан получил должность презида Киликии, а в 364 г. стал правителем Палестины. См.: *PLRE. P. 727.*

⁵⁶ *PLRE. P. 886.*

⁵⁷ *Petit P. Les sénateurs. . . P. 351.*

⁵⁸ *Libanius. Ep. 34.*

Урбитий, который не желал, чтобы его сыновья «пыжились на берегах Босфора»⁵⁹.

Но куриалы победнее даже домогались сенаторского звания, видя в этом средство избавления от обязанностей по отношению к собственной курии. Их наплыв в сенат был столь значителен, что 3 мая 361 г. Констанций II издал специальный закон, которым вводил для куриалов серьезные ограничения при вступлении в сенат⁶⁰. Более того, тем сенаторам из куриалов, кто не мог исполнить обязанности претора, связанные с расходами на зрелища или на общественные работы⁶¹, предписывалось покинуть константинопольский сенат⁶².

Но все же и позднее куриалы, в первую очередь те, кому не под силу было выполнять обязанности перед своей курией, стремились попасть в константинопольский сенат⁶³.

Под влиянием варварской опасности, по долгу службы или по иным обстоятельствам появляются в Константинополе и представители римской сенаторской знати. Это консул 340 г. Септимий Акиндин, исполнявший обязанности префекта претория Востока в 338—340 гг.⁶⁴, Веттий Агорий Претекстат, проконсул Ахайи 362—364 гг.⁶⁵, Клодий Гермогениан Олибрий из рода Анициев, являвшийся префектом претория Востока в 378 г.⁶⁶, римский сенатор Постумиан⁶⁷ и др. Но их было немного, и не всегда они оставались в Константинополе надолго. Потомки Олибрия, например, все также жили в Риме⁶⁸. Лишь позднее на Босфоре вновь появятся отпрыски этого знатного рода.

Уже в силу своей малочисленности римские сенаторы не оказывали существенного влияния на специфику формировавшегося сенаторского сословия Константинополя. Свои интересы римская родовитая знать по-прежнему связывала с Римом и западными областями империи (Италией, Сицилией, Африкой), где находилась ее земельная собственность и где она прочно удерживала свои позиции вплоть до VI в.⁶⁹ Гордые своими предками, аристократы живут в роскошных имениях, занимаясь охотой, поэзией, перепиской с друзьями, — словом, ведут привычный образ жизни с его культом *otium et amicitia*⁷⁰. Происхождение, давность рода для этих людей означали все⁷¹. По временам отдельные сенаторы занимали посты в центральной администрации, рассматривая свою службу как фактор социального престижа⁷², но не служба, а происхождение, знатность рода определяли их принадлежность к сенату. Сенатор и родовитый аристократ, по существу, продолжали оставаться здесь синонимами⁷³.

Иначе обстояло дело на Востоке. Определяя критерии для членов сената, Констанций II в письме к этому собранию, словно забыв о знатности происхождения, называет четыре необходимых, по его мнению, качества сенаторов: 1) наличие денег; 2) земельные богатства; 3) занятие определенной должности; 4) необходимый культурный уровень⁷⁴.

Более того, и при Констанции ядро константинопольского сената и наиболее деятельную его часть составляли служилые аристократы. Как

⁵⁹ См.: *Petit P.* Les sénateurs. . . P. 351.

⁶⁰ С. Th. XII.1, 48. Согласно закону, куриалы могли стать сенаторами лишь в том случае, если они выполнили материальные обязанности перед собственной курией.

⁶¹ *Dagron G.* Op. cit. P. 151.

⁶² С. Th. XII.1, 48.

⁶³ *Petit P.* Les sénateurs. . . P. 362.

⁶⁴ PLRE. P. 11.

⁶⁵ Ibid. P. 722.

⁶⁶ Ibid. P. 640—642.

⁶⁷ Ibid. P. 718.

⁶⁸ Ibid. P. 639—640, 732—733.

⁶⁹ *Matthews J.* Op. cit. P. 30.

⁷⁰ Ibid. P. 1—31.

⁷¹ *Symmachus.* Or. VIII.

⁷² *Matthews J.* Op. cit. P. 12.

⁷³ *Chastagnol A.* L'évolution de l'ordre. . . P. 314; *Barnes T. D.* Who were the nobility of the Roman empire // *Phoenix.* 1974. Vol. 28. P. 445.

⁷⁴ *Themistii* Or. I. (P. 22).

справедливо отмечает ряд исследователей, увеличение числа сенаторов с 300 до 2000 человек при Констанции II ⁷⁵ происходило не столько за счет курялов, приток которых в сенат увеличил его, по мнению Ж. Дагрона, всего на несколько десятков человек ⁷⁶, сколько за счет расширения круга должностей, благодаря которым можно было стать сенатором ⁷⁷.

При Констанции, в частности, возросла роль придворных евнухов (происходивших обычно из вольноотпущенников и варваров), в первую очередь препозита священной спальни ⁷⁸. Евсевий, занимавший этот пост с 337 по 361 г., был одним из самых влиятельных людей в империи. Констанций доверял ему очень сложные и деликатные миссии, например переговоры с папой Либерием ⁷⁹.

Особым покровительством Констанция II пользовались нотариусы, школа которых, по всей видимости, была создана при Константине ⁸⁰. Это были секретари-сорописцы, которые фиксировали все заседания консистория, превратившегося к этому времени из неофициального совета при императоре (*consilium principis*) в орган государственной власти ⁸¹. Обычно нотариусы, как и предполагало их «мастерство», были людьми низкого происхождения ⁸², однако благодаря своему занятию они самым непосредственным образом оказались вовлечены в сложное делопроизводство имперского аппарата, посвящены в самые сокровенные тайны имперского двора и допущены к секретнейшим пружинам имперской политики. Как правило, нотариусы были особо доверенными лицами императора ⁸³. Уже Константин отличал нотариусов. Марину, например, было дано в 335 г. почетное поручение пригласить епископов, собравшихся в Тире, на освящение церкви гроба господнего ⁸⁴. При Констанции II значение нотариусов заметно возросло: император возлагает на них сложные дипломатические, административные, церковные и военные миссии ⁸⁵. Получив титул комита или трибуна, они становятся членами сената ⁸⁶, а некоторые из них занимают в нем весьма почетное место. Именно из нотариусов вышли: главный советник Констанция сын служителя антиохийских бань Датиан ⁸⁷, ко-

⁷⁵ Ibid. XXXIV. 13; *Dagron G. L'empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme: le témoignage de Thémistios* // TM. 1968. 3. P. 55. По мнению А. Джонса, увеличение числа сенаторов происходило постепенно и лишь к 385 г. количество их достигло 2000. См.: *Jones A. H. M. The Later Roman Empire*. Vol. 2. P. 527. См. возражения А. Шастаньоля: *Chastagnol A. Remarques...* P. 350—351.

⁷⁶ *Dagron G. Naissance...* P. 130.

⁷⁷ *Petit P. Les sénateurs...* P. 379; *Dagron G. Naissance...* P. 130.

⁷⁸ *Hopkins M. K. Eunuchs in Politics in the Later Roman Empire* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1963. Vol. 9. P. 62—80; *Vogler Ch. Constance II et l'administration impériale*. Strasbourg, 1979. P. 210—216.

⁷⁹ *Vogler Ch. Op. cit.* P. 212—216.

⁸⁰ *Sinnigen W. G. Three Administrative Changes Ascribed to Constantius II* // *American Journal of Philology*. 1962. Vol. 83. P. 381—382. Как предполагает А. Джонс, школа нотариусов возникла уже при совместном правлении Константина и Лициния (*Jones A. H. M. The Later Roman Empire*. Vol. 1. P. 103).

По мнению Т. Воглера, школа нотариусов была создана в самом конце правления Константина (337 г.) и реально начала функционировать уже в правление его сына Констанция II (*Vogler Ch. Op. cit.* P. 184).

⁸¹ *Crook J. Consilium Principis*. Cambridge, 1955. P. 96—103.

⁸² *Libanii Or.* 42. 22—24.

⁸³ *Vogler Ch. Op. cit.* P. 192—197; *Mudd M. M. Upward Mobility among Notarii under Constantius II* // *Seventh Annual Byzantine Conference. Abstracts of Papers*. Boston, 1981. P. 24—25.

⁸⁴ *Sozomenus. Kirchengeschichte* / Hrsg. von J. Bidez, G. Ch. Hansen. B., 1960. II. 26.

⁸⁵ *Jones J. H. M. The Later Roman Empire*. Vol. 2. P. 572—573.

⁸⁶ *Vogler Ch. Op. cit.* P. 194. Согласно иерархии в среде нотариусов, установленной уже после Констанция (в 381 г.), примикерий нотариусов приравнивался к проконсулу и был выше викариев, далее шел трибун и нотариус, получивший тот же статус, затем следовали трибуны и нотариусы, приравненные к викариям, и, наконец, деместики и нотариусы, приравненные к консуляриям (правителям провинций). См.: *C. Th.* VI.10, 2; *Vogler Ch. Op. cit.* P. 195. К концу IV в. «нотарий» из должности превратился в знатный титул, не связанный непременно с исполнением секретарских обязанностей. Число их возросло до 520 человек, в то время как нужды администрации обслуживало всего несколько десятков человек. См.: *Jones J. H. M. The Later Roman Empire*. Vol. 2. P. 573—574.

⁸⁷ PLRE. P. 198.

мит священнных щедрот 362 г. Феликс ⁸⁸, префект претория Востока 353—354 гг. Домициан ⁸⁹, префект претория Востока 360—361 гг. Эльпидий ⁹⁰, комит священнных щедрот 354 г. Тавр ⁹¹ и др.

Не представителям культурной элиты, а выдвинувшимся по службе выходцам из низов Констанций доверял наиболее ответственные посты в имперской администрации. Из префектов претория Констанция лишь один был сенатором по происхождению — упомянутый выше Септимий Акиндин; большинство остальных (Аблабий, Филипп, Домициан, Эльпидий, Тавр) являлись лицами весьма скромного происхождения ⁹². И они же были первыми людьми в константинопольском сенате ⁹³.

Высказав в свое время желание соединить звание сенатора с греческой мудростью, Констанций на практике сплошь и рядом отказывался от этого принципа. При нем, как и при Константине, именно имперская служба играла наиболее существенную роль среди прочих качеств претендента на сенаторское звание и являлась основным критерием для вхождения в константинопольскую курию ⁹⁴. Так же обстояло дело и впоследствии.

Существовал, правда, и другой путь в сенаторы, который заключался в пожаловании императором выбранной им кандидатуре в сенат *codicilli clarissimatus*. Но, если, как это случилось в 388 г. с Фалассием ⁹⁵, сенат по той или иной причине отказывался признать обладателя *codicilli clarissimatus* своим членом, император жаловал ему достаточно высококую должность, и он автоматически попадал в сенат. И впоследствии император предпочитал жаловать своим фаворитам должности если не действительные, то почетные, которые, видимо, и были введены в первую очередь для них. Но и в том и в другом случае (попадали ли в него люди благодаря высоким должностям или благодаря императорской щедрости) сенат состоял из лиц, которые зависели от императора, и именно поэтому, если на Западе «конфликты сената с императором составляли главную тему империи» ⁹⁶, на Востоке этого не произошло.

Специфика комплектования сената Константинополя обусловила особенность титулатуры его членов. Первоначально все они носили, как и в Риме, один титул — *clarissimi* ⁹⁷. Уже при Констанции сенаторы начали делиться на *proceres*, проконсулов и преторов ⁹⁸. Высших чиновников — префектов претория — уже в 350 г. именовали *clarissimi et illustres* ⁹⁹.

Однако четкого соответствия между должностью и титулом еще не было; лица, занимающие одни и те же должности, могли иметь разные титулы. Так, комит священнных щедрот Немезиан в законе 345 г. (С. Th. XI. 7, 5) назван всадническим титулом *perfectissimus*. В 356 г. другой комит священнных щедрот и магистр официий названы сенаторами ¹⁰⁰, а в 362 г., в правление Юлиана Отступника, магистр официий Анатолий

⁸⁸ Ibid. P. 332.

⁸⁹ Ibid. P. 262.

⁹⁰ Ibid. P. 414.

⁹¹ Ibid. P. 879.

⁹² Ibid. P. 1049. То же самое касается и таких должностей, как магистр официий, должность которого с середины IV в. превратилась в домен бывших нотариусов, и квестор. См.: *Clauss M. Der magister officiorum in der Spätantike* (4.—6. Jahrhundert) *Das Amt und sein Einfluss auf die kaiserliche Politik*. München, 1980. S. 48; *Bonfils G. Il comes et questor nell'età dinastia costantiniana*. Neapel, 1981. P. 114.

⁹³ *Libanii* Or. 42. 22—24.

⁹⁴ По мнению Ш. Воглер, именно Констанций заложил основы нового типа карьеры сенаторов. См.: *Vogler Ch. Op. cit.* P. 232. Нам представляется, что он (как и последующие императоры) лишь продолжил линию Константина.

⁹⁵ *Dagron G. Naissance*. . . P. 156—157.

⁹⁶ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire*. Vol. 1. P. 5.

⁹⁷ Ановим Валезия называет константинопольских сенаторов эпохи Константина *virii clari* (*Excerpta Valesiana*. I.30), но надписи и другие источники свидетельствуют о том, что с самого начала сенаторы Константинополя носили тот же титул, что и римские. См.: *Chastagnol A. Remarques*. . . P. 345.

⁹⁸ *Dagron G. Naissance*. . . P. 159, Note 2.

⁹⁹ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire*. Vol. 1. P. 143.

¹⁰⁰ С. Th. VIII.5, 8; XI.16, 7.

и комит священных щедрот Феликс не являлись сенаторами, в то время как квестор Иовий им был ¹⁰¹. Правители провинций называются то *viri perfectissimi*, то *viri clarissimi* ¹⁰².

Закон Валентиниана от 5 июля 372 г. положил конец этому разнообразию, установив четкое соответствие между должностью и титулом сенатора. Тогда же все сенаторы были разделены на три группы: *clarissimi*, *spectabiles*, *illustres*, причем прежний сенаторский титул *clarissimus* стал самым низким ¹⁰³.

Постоянный приток новых членов в сенат обусловил и постоянное обесценивание одних титулов и появление других. В начале V в. потерял прежнее значение титул *clarissimus*, а к 444 г. — титул *spectabilis* ¹⁰⁴. В среде иллистриев в V в. стали различать *illustres magnificentissimi* и *gloriosi* ¹⁰⁵. Кроме того, иллистрии могли быть действительными, *vacantes* и *honorarii* ¹⁰⁶.

Характерно, однако, что, хотя титулатура меняется, тенденция связать титул с должностью неизменно дает о себе знать, и всякий раз наиболее высокие титулы жалуются представителям высшей имперской администрации и придворным. Титул и должность неотделимы друг от друга, причем действительное исполнение должности ставилось выше, нежели обладание почетной должностью. Все присутствовавшие на Халкидонском соборе сенаторы перечислены вместе с должностями, которые они занимали согласно строго разработанной к этому времени иерархии их ¹⁰⁷. И напротив, высшие должностные лица обычно называются вместе с титулами, которыми они облечены.

Другой характерной особенностью сенаторской аристократии Константинополя, также обусловленной спецификой ее формирования, являлась нестабильность в ее положении. Само звание сенатора не было наследственным, в ряде случаев оно даже не было пожизненным. Конечно, размеры мобильности в среде константинопольской сенаторской знати не следует преувеличивать и представлять себе дело так, словно с каждой переменою на троне происходили резкие изменения в ее составе ¹⁰⁸. Источники дают возможность предполагать, что на Востоке создаются свои сенаторские фамилии, сохраняющие значение в течение не одного столетия. Это род Аблабия ¹⁰⁹, род Филиппа ¹¹⁰, Тавра ¹¹¹ и др.

И все же сенаторское сословие Константинополя было значительно более открытым, чем на Западе ¹¹². Нельзя не отметить, однако, что по-

¹⁰¹ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. Vol. 1. P. 134.

¹⁰² *Dagron G. Naissance*. . . P. 158.

¹⁰³ C. Th. VI.7, 1; 9, 1; 11,1; 14, 1; 22, 4. Закон Валентиниана должен был иметь равную силу и для Запада, и для Востока. Но на Западе он рассматривался как анти-сенаторский и практически привел к изменениям не в статусе сенаторов, а в регламентации заседаний сената, в то время как на Востоке этот закон лег в основу именно статуса сенаторов. См.: *Dagron G. Naissance*. . . P. 163; Cf.: *Alfoldy A. A Conflict*. . . P. 58, 84—86.

¹⁰⁴ *Dagron G. Naissance*. . . P. 164.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 159.

¹⁰⁶ *Ibid.*; *Stein E. Histoire du Bas-Empire*. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. T. 2. P. 432.

¹⁰⁷ *Acta Conciliorum Oecumenicorum* / Ed. E. Schwartz. B., 1915. T. 2. Vol. 2, pars 1. P. 55; *Delmaire R. Les dignitaires laïcs au Concile de Chalcedoine: notes sur la hiérarchie et les préséances au milieu du Ve s.* // *Byz.* 1984. 54. P. 161—173.

¹⁰⁸ *Beck H. G. Konstantinopel: Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt* // *BZ.* 1965. 58. S. 16.

¹⁰⁹ *PLRE*. P. 1132.

¹¹⁰ *Ibid.* P. 1145.

¹¹¹ *Ibid.* P. 1147; *Dagron G. Naissance*. . . P. 171.

¹¹² В недавнее время К. Хопкинз высказал точку зрения о том, что при комплектовании римского сената эпохи империи наследственный принцип играл весьма незначительную роль и что сенат постоянно пополнялся за счет лиц, не принадлежавших к сенаторскому сословию: См.: *Hopkins K. Death and Renewal. Sociological Studies in Roman History*. Cambridge, 1983. P. 120—200. К своему выводу автор приходит на основе статистического анализа социального состава ординарных и дополнительно избранных консулов. Однако изучение родственных отношений в среде римских сенаторов, в частности перехода владений и статуса от главной ветви рода

движность социальной структуры на Востоке, равно как и другие специфические черты сенаторского сословия Константинополя, самым теснейшим образом связана с появлением на Босфоре императорского двора, высшей гражданской и военной администрации, которые и в бытность свою на Западе сплошь и рядом состояли из выскочек. Различие Запада и Востока в данном случае заключается в том, что римский сенат, ядро которого состояло из родовитой аристократии, был в значительной степени отделен от двора и высшей администрации и уж во всяком случае не был им адекватен, в то время как на Востоке, напротив, именно придворные и высшая администрация составляли сенат.

Таким образом, хотя различие в социальной структуре Востока и Запада сохранялось и в IV в., своеобразие Востока отныне носило иной характер и было тесно связано с процессами, происходившими на Западе, — с падением политической роли сената, с концентрацией управления в руках императора, двора, высшей имперской администрации. Стесненные присутствием родовитой аристократии, они обретают новый центр на Востоке, где в этот период, как известно, происходят важные социально-экономические изменения, выразившиеся, в частности, в начинающемся разложении и дифференциации сословия куриалов.

Таким образом, более тесное соприкосновение судеб Востока и Запада в результате кризиса III в. в сочетании, разумеется, с глубокой внутренней трансформацией восточных областей обеспечило своеобразие социальной структуры ранней Византии, определив, в частности, характерные особенности сенаторского сословия Константинополя.

к боковым, опровергает высказанную гипотезу: См.: *Jacques F. L'éthique et la statistique. À propos du renouvellement du Sénat romain (Ier—IIIe siècles de l'Empire) // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1987. 42e Année. N 6. P. 1287—1303. Cf.: Idem. L'ordine senatorio attraverso la crisi del III secolo // Società romana e Impero tardoantico / Ed. A. Giagrande. Roma; Bari, 1986. T. 1. P. 81—225. Именно сплоченностью различных ветвей одного и того же рода, а также тем, что *homines novi* нередко женились на женщинах из древних родов и таким образом сравнительно легко ассимилировались со старой аристократией, Ф. Жак объясняет устойчивость традиций и идеалов сенаторской аристократии. См.: *Jacques F. L'éthique. . . P. 1295.**